

— Котлету будешь? Чай полный наливать? А ты? Будешь котлету?

Дети, не успевшие ещё проголодаться, нехотя жевали ранний садиковский ужин. Вале хотелось, чтобы они поели побыстрее— тогда можно было по-быстрому сполоснуть посуду и уходить. Вообще-то у неё не имелось привычки убежать раньше времени с работы, но сегодня была пятница, да ещё и конец месяца. Маргошу забрать полпятого, в «Батон» за продуктами— и домой.

Рыбные котлеты Валера с Денисом не очень-то ели, да и сама Валя их не любила. Так что остатки от них полетели в помой— низкий и широкий бак возле железных раковин. Тушёную свёклу Валя, подумав, положила в контейнер. Пригодится мужикам на ужин. Хорошо бы и печенье осталось, но сегодня сахарные крендельки, дети их хорошо едят. Да и пускай, конечно. Кому-то вон, как Ренату, ещё до полседьмого сидеть. Кто-то, как Вероника Жарова, одной выпечкой и питается. Всё не привыкнут к садиковской еде. Чем их дома кормят, интересно, оладьями да блинами, что ли? Чипсами? Бананами?

Валя помыла тарелки, хорошенько протёрла их полотенцем и поставила в решётку. Заглянула в шкаф: может, осталось что неубранное? Там стоял початый пакет апельсинового сока, остаток от второго завтрака. Валя побулькала— сока оказалось больше половины.

— Люда!— энергично позвала Валя.— Людмила Михайловна!

— Что?— откликнулась из группы воспитательница.

— Забери сок. В шкафу оставила. Попьёшь. Я пошла.

Вале было приятно осознавать себя хозяйкой в группе, чем-то распоряжаться. Если подумать, няней быть даже выгодней, чем воспитателем. Воспитателю прийти надо без десяти семь утра, а если вторая смена, то, наоборот, сидеть до семи вечера, а потом домой по пробкам. Ответственности сколько! Документов! А ей и приходиться надо на час попозже, и уходить раньше. И, главное, можно продуктами семью подкармливать. Всегда что-то остаётся.

Ну и с ребяташками тоже неплохо, в общем. Если сразу поставить себя правильно— будет

слушаться. Шумят, конечно, но к шуму привыкаешь. Хотя и Валера, и Денис, и соседка Оксана спрашивали, удивлялись:

— Как ты с ними не чокнешься?

Но Валя не покалась, а как-то успевала и убраться, и посуду помыть, и даже иной раз поиграть в какое-нибудь лото или домино. В группе у неё всегда была чистота, и она этим гордилась. Знала: не будь её, воспитатели бы не справились со всей оравой в двадцать восемь человек. Особенно Людка. Добрая, но такая растеряха!

— До-о-оча!— зычно крикнула Валя, растворяя двери ясельной группы на первом этаже.

Маргарита в мятом, но красивеньком джинсовом сарафанчике выбежала к матери навстречу. Валя нарочно назвала её таким звучным королевским именем. Дочка начала ходить в садик в год и десять, вместе с мамой. Валя, конечно, специально подыскивала место для ребёнка. Заранее решила долго в декрете не сидеть и, как только появится возможность, начать зарабатывать.

Так вдвоём они и устроились на работу. Каждое утро просыпались в остывшей тёмной комнате, одевались и шли вдоль долгого жестяного забора до самого моста, а потом через несколько дворов— до садика. Вечером путь был тот же, только на дальнем конце моста, у входа в Николаевку, иногда сидела смуглая старуха, продававшая осенью и зимой банки со всякими вареньями и соленьями. Валя не знала её по имени, покупала её запасы всего пару раз, но всегда уважительно кивала старухе как знакомой, возвращаясь домой. Та в ответ приветливо улыбалась, показывая железные зубы. — Пойдём, Маргоша, домой. В магазин зайдём, мужикам ужин готовить.

Мужиков дома у Вали было двое: Валера, почти что супруг, и Денис, почти что брат. Всем, кроме бабки, сестры и Люды, Валя представляла его именно как двоюродного брата, чтобы не понакручивали чего-нибудь лишнего. На самом же деле Дениса ещё пять лет назад нашёл и привёл Валера. Нашёл буквально, как крокодил Гена Чебурашку: тот приехал из далёкого тёплого Ростова в незнакомый сибирский город, не смог обустроиться и с наступлением холодов обитал где придётся. Шансы замёрзнуть или окончательно пропасть у парня были большие, если бы не

вовремя подвернувшийся Валера. Валера отыскал Дениса в месте встречи всех обездоленных и бесприютных — на железнодорожном вокзале. Худой и иззябший, Денис протягивал руку с длинными бледными пальцами, прося у прохожих звонкую монету. Валера, не желая допустить, чтобы парня откинул хвост в такой дубак, предложил ему (конечно, за свои) стопочку водки для сугрева и блинков. Денис чем-то понравился ему с первого раза настолько, что Валера взял да и привёл его домой.

Тогда они с Валькой снимали комнату в общежитии, куда редко наведывались хозяева. Поначалу Валя, увидев на пороге двух мужиков в подпиту, заорала на них и пригрозила выгнать, но, сообразив, что они не так уж пьяны и буяннить не будут, пожалела и впустила. И, как помнится, даже не пожалела домашнего коньяка: был у Вали такой, сама настаивала на самогонке чай с ванильным сахаром — получилось ароматно, сладко и крепко, не стыдно кого угостить. Валера заявил, что Денис — ништячный пацан, и ему надо помочь, и, значит, жить он будет здесь.

Валя поворчала для порядка, но уже чувствовала: базлай не базлай, а Денис останется. Валере уж если что пришло в голову, то не выбьешь. Да и самой ей с первых минут стало как-то жаль этого белобрысого паренька, худого, как подросток. Спать ему в комнате было совершенно негде, поэтому год с лишним, пока не удалось перебраться на другую хату, Денис жил, что называется, половой жизнью — ночевал на синтепоновом одеяле, подложив под голову свёрнутую кофту. Валера сам же иной раз подсмеивался над ним, называл Чебой, намекая на Чебурашку, который тоже появился неизвестно откуда и уши имел такие же оттопыренные. Иногда Денис, к удивлению Валеры и Вали, рассказывал что-то интересное про раскопки, про Троию, про греков. Из Ростова он привёз не то верхи, не то остатки какого-то гуманитарного образования. Ещё Дениска любил рассуждать о политике и рисовать детскими гуашевыми красками. Вернувшись однажды домой (когда они переселились уже на нынешнее место), Валя увидела, что снизу доверху по всей печке идёт тёмно-голубая вязь из листков, бутонов и стеблей, а в самой середине красуются два алых цветка наподобие маков.

— Закрасите мелом, как надоеет, — смущённо пожал плечами, пояснил Чеба и на всякий случай, боком проскакивая в сенях, смылся от возможного гнева на улицу.

Но Валя только восхищённо матюгнулась и закрашивать ничего не стала, даже спустя год и два.

Денис быстро сделался ей как бы младшим братом, хотя и был формально старше на два года. Первые дни, а может, и недели, было трудновато к нему привыкнуть, даже чисто физически. Всё-таки

чужой мужик, пусть и спит на полу. Но потом она прониклась к нему сочувствием, видя, что Денис — существо неразумное. Приехал вроде бы к каким-то родным, а им оказался не нужен, работу не нашёл, шапку и ту украли... Незаметно для себя Валя стала готовить еды на одного человека больше. Так Денис и остался у них жить. Постоянно он нигде не работал, только иногда по утрам уходил калымить: рубил дрова в Николаевке или помогал на какой-то стройке. В тёплое времечко находил заработок попроще: как студенты, раздавал на улице газеты и листовки, а в год, когда готовили подъезды к четвёртому мосту, подрядился в помощники к археологам. С археологами ему очень понравилось — разные кости находил.

Валера трудился сантехником, и работа у него была сезонная: весной, летом и осенью появлялся домой только к позднему вечеру, зато зимой часто, так же как и Денис, сидел дома. Согревались и развлекались они то водкой, то ядовитых цветов коктейлями «Кегля». Чеба любил смешивать эти ядрёные «Кегли», да и вообще всякую дрянь: вино с колой, варенье с минералкой, несколько раз варганил туристический коктейль из водки, стущёнки и кофе. Валерка мог выпить много и не пьянеть, зато Денис хмелел быстро, становился обидчивым, кричал, спорил, а иногда, наоборот, чёрт его знает с чего смеялся.

— Псих! Ну псих! — довольно гоготал Валера.

Если честно, Валя тоже считала Чебу немного психом. Как ещё назвать парня двадцати четырёх лет от роду, который взялся резать вены от несчастной любви? По весне, три года назад, он вдруг влюбился в какую-то девчонку из другого района (и что за девчонка-то была? Хотя бы фотку показал) и стал по вечерам вместо посиделок с Валерой наезжать к ней. Спустя месяца два роман успел закончиться, и Валя вечером увидела Чебу с порезанными руками. Он сидел на корточках, склонив голову ниже колен, и тихо плакал, а на полу были мелкие побуревшие пятна крови. Потом оказалось, что вены Денис не перерезал, просто покромсал себе запястья и ладони. Но и эти опухшие багрово-красные порезы смотрелись на худых Денисовых руках устрашающе. Валя тогда бережно заклеила ему раны кусочками лейкопластыря, усадила в кресло, налила кофейку. Ей было щемяще жалко Дениса. Найти бы ему хорошую девушку, глядишь, и на работу нормальную устроился, и пить бы не захотелось совсем... Если бы стало ради чего жить.

К самой Валентине Чеба тоже подкатывал парутройку раз, когда был выпивши. Но как мужик он ей не нравился — уж больно щуплый, плечи такие узкие. Одно в нём было красиво — глаза, большие, светлые, но и то смотрел ими Чеба так, будто что-то постоянно вопрошал. Этим странным удивлённым взглядом, да ещё белёсыми волосами

и оттопыренными ушами он напоминал вечного ребёнка. Хотя, каким бы малахольным ни казался Денис, он, конечно, должен был понимать: случись у них с Вале́й что серьёзное, Валера сразу же пересчитает рёбра и выгонит, не пожалев.

Валя надеялась, что вот-вот для Дениса найдётся какая-нибудь маленького росточка добрая девушка, и тогда он уйдёт; ну а пока нужно о нём позаботиться. И старалась облегчить Денисово существование как могла.

Она вообще была доброй. Натерпелась за свою жизнь с детства, вот и научилась жалеть других. Когда ей было семнадцать, умерла мама, царство ей небесное. Спустя год с небольшим помер и отчим. Валя к тому моменту успела закончить одиннадцать классов и пошла учиться на медсестру. Жить осталась у бабки, отчимовой матери, — куда же было ещё податься? Бабка, ясное дело, не была шибко рада. Оставалась у неё и родная внучка, Надька, которую Валина мать родила уже от отчима. Надька появилась через два года после Вали, и её баловали, как любимое общее чадо. В шесть лет записали на аэробику, потом сунули ещё и в художественную школу, но там Надька не прижилась, да и денег на оплату уроков не хватало. А в пятнадцать, когда Надька вместе с Вале́й остались на бабкином попечении, и аэробике пришли кранты. Да и вообще всему: Надька внезапно быстро слетела с катушек, забросила учёбу, стала незнамо где ночевать, а потом принялась и пить. Вале́ было смертельно жалко сестру. Она перебирала Надькины детские фотографии — на них была славная такая румяная девочка с каштановыми волосами. Валя видела, как бабка пыталась что-то сделать с младшей (а вообще-то и единственной по-настоящему) внучкой: не пускает её на гулянки, не даёт денег. Но Надька, закатив скандал, всё равно уходила, а деньги на еду и выпивку ей, видно, подкидывали ухажёры. В двадцать с лишним лет Надька родила мальчишку, Антона, и съехалась с Васей, его отцом. Родили Надька и Валя почти одновременно. Младшая сестра с лялькой на руках продолжала наезжать к бабке как ни в чём не бывало. К Вале́ же старая сама наведалась, когда Маргарите было уже месяца два. Привезла стиральный порошок, шампунь, всякие консервы и уют, а ребёнку — одну только погремушку. Когда она уехала, Валера высказал обиду на консервы:

— Что это бабка твоя навезла нам какую-то тушёнку? Думает, совсем жрать нечего? Думает, я семью не покормлю?

— Она вам ещё мыло привезла, — вклинился Денис и ядовито пошутил: — Верёвки только не хватает.

Во второй свой приезд, который случился недели через три, бабка стала долго, нудно говорить Вале́, что вот теперь у неё ребёнок и надо жить

для него, что надо смотреть подработку, надо искать новую квартиру, надо вставать в садик, надо то и это. Валя слушала её хоть с раздражением, но молча, а бывший опять дома Валера прикрикнул, что нечего учить жизни. Этого бабка не стерпела и покрыла Валерку хорошим матом, высказав всё, что думает о нём, лентяе и балбесе. В ответ он выкинул ей в коридор сумку с утюгом: дескать, забирай. Она забрала и ушла и после этого, конечно, не приезжала. Валя сама иногда звонила ей, но разговор не клеился.

— Ну... как дела? — спрашивала она.

— А тебе что? — отзывались на том конце трубки.

— Так... А мы ходили в поликлинику, назначили физио, — Валя сворачивала на тему ребёнка, чтобы появилось о чём рассказать.

Валя знала, что с Надькой-то бабка наверняка говорит по-другому, не огрызается. Валя не обижалась. Она привыкла терпеть и не обижаться. Ну и пусть любят больше Надьку, это же понятно. Ей, Надьке, ведь и правда нужно, чтобы кто-то пособлял, заботился. С дитём на руках, ни образования, ни денег. На мужика её беспутного особо надежды нет. Когда Валя устроилась в садик и стала получать там стабильную копейку, то сказала себе, что надо начать помогать Надькиной семьеюшке. Она два или три раза привозила племяннику Маргошины одёжки, ботиночки. Тот был младше на три месяца и мельче ростом, так что всё это ему должно было пригодиться.

Надька брала подарки без особой благодарности, один раз даже проворчала, что барахла некуда девать, но Валя только вздыхала и понимала: молодая ещё, позже оценит помощь, если, даст Бог, образумится.

Себя Валя в свои двадцать пять не ощущала молодой. Впрочем, и старой тоже — так, женщиной без возраста.

Домой из садика они с Маргариткой шли быстро. Надо было успеть растопить печку: мужики сегодняя ушли на заработки, значит, дом стоял с утра холодный. После печки — ужин, ну и постирушки, уборка, разное по мелочи...

— Бр-р... Холодина, — поёжилась Валя, ступая в стильное неуютное пространство.

Крыльцо и сени в старом доме сплошь были заставлены и забросаны какими-то досками, обломками мебели, тазами, ведрами, негодной обувью. Большая часть всего «добра» оставалась от покойной Валеркиной бабушки. Когда Ритке было ещё полгода, родители её совсем сели на мель и стали по-всамделишному голодать. Государственные деньги, которые выдаются при рождении ребёнка, пошли на то, чтобы закрыть Валеркин долг. Долг у него появился от неудачной попытки затеять бизнес. Вместе с каким-то корешем они взяли в банке кредит, оформились в ООО «Кухни

эконом-класса» и стали продавать мебель. Но для того, чтобы продавать, нужно было сначала эту мебель сделать, и тут-то оказалась загвоздка: вначале поставщик всё никак не подвозил плитный материал, потом ещё куча времени ушла на то, чтоб изготовить саму кухню. А самое плохое началось, когда сердитый покупатель нарисовался на пороге Валериной конторы и заявил, что кухня трещит по швам. Почти такая же история случилась и во второй раз. В третий покупатель вообще не дождался, пока друзья-мебельщики сварганят кухонные шкафы, и сразу потребовал денег. Денег у Валеры, понятно, не было. Кореш тут же слился, как только почувал, что пахнет полицией. Покупатели попались неленивые и вправду накатали заявления в участке. И приходили не один раз к Валере менты, заставляли писать какие-то бумажки, проводили беседы. Валя плакала. Ей было страшно, что парня могут посадить, и тогда она останется с ребёнком одна. Как только родилась Ритка и за неё перечислили деньги на карточку, Валя сама уговорила Валеру отдать их в счёт долга. Хотя долг, понятно, выплатили не весь, покупатели малость поуспокоились. Валерка сменил телефон, на звонки не отвечал, официально со своими документами нигде не светился. Всё до копейки, что он зарабатывал по калымам, уходило на съёмное жильё и разные мелкие расходы типа дороги и лекарств. Проедали детские деньги. Валерка с Чебой кормились хлебом и дешёвыми паштетами, а Вале постоянно хотелось есть. Она наливала себе обжигающего чая, чтоб согреть желудок, хлебала горячий бульон от пельменей, а вместо сладкого включала себе какие-нибудь сериалы и утешалась чужой жизнью, убаюкивая дочь возле груди.

Когда платить за съёмную хату стало совсем нечем, они перебрались в этот старый дом—он принадлежал когда-то Валеркиной бабушке и каким-то прочим его родственникам и давно уже стоял без дела. Тётя Наташа, Валерина мать, предложила Вале отдавать за домишко шесть тысяч каждый месяц и жить в целых трёх комнатах при полном мебельном обеспечении сколько они душе пожелают. Чебе она тоже разрешила остаться, с условием, что тот поможет ей выправить забор около дома, сделать ещё кое-какие хозяйственные дела, да ещё будет ухаживать за котом.

— Кошка у меня дома живёт, а это котик, вместе им нельзя,—объясняла тётя Наташа.— А выкидывать жалко. Ты пригляди за ним.

Чеба приглядывал как мог. Тётя Наташа где-то раз в месяц приходила с инспекцией, забирала плату и проверяла, всё ли в порядке, не забывая при каждом случае припомнить своё благодеяние.

Валера мало-мальски обиходил дом, заткнул дыры паклей, но из щелей всё равно сквозила холодная противная сырость, так что в углах, ближе

к потолку, где не доставал печной жар, гнездилась чёрная плесень. Валя время от времени смахивала её щёткой, протирала углы тряпкой, один раз даже разорилась на специальную пропитку. Но плесень появлялась снова и снова. Из-за неё в дальней комнате всё время был затхлый запах, и этой затхлостью веяло от вещей. Летом плесени становилось меньше, потому что окна держали открытыми, но насовсем она никогда не пропадала—таилась за слоем обоев, за голубой штукатуркой, чтобы с октябрьскими дождями снова выползти на свет и захватить стену.

Валя пошвыряла дрова в открытый рот железной печурки, села погреться. Рядом примостилась дочка, положила кудрявую головёнку на колени.

— Мама, ешь.

Валя смотрела на огонь и тут только стала осознавать, как она устала. С утра заведующая отправляла драить коридор (коридорная няня заболела), потом наводила марафет в группе. В сон-час бегала в магазин; как дети проснулись, помогала одеваться. Четыре года, мелковатые ещё, кому пуговицы застегнуть, кому колготки... — Мама, ешь! Кусать!

Маргоша стала теревить мать за край растянутой кофты.

— Да отвяжись ты! Погоди!—Валя отбросила её ручонку.— Щас мужикам сварим и поедем все вместе.

Маргоша ещё похныкала и покорно присела к печке поковырять голубую штукатурку.

— Ладно, на,—сжалилась над ней Валя, отрывая кусок от сахарной булочки и включая телевизор.

Теперь оставалось время, чтобы заняться ужином. Из детсадовской свёклы Валя сварганила салат с изюмом. Отварила рожки и сделала из них макароны по-студенчески, с соусом из яйца, муки и приправы от китайской лапши. Своим умением готовить еду из ничего Валя чрезвычайно гордилась—недаром всё-таки мама у неё работала поваром.

Влажным веником она прошлась по коврам, выцепляя из них всю прилипчивую дрянь. Нормальный пылесос Валера так и не купил. Притаскивал какое-то старьё, оно поработало полгода и сломалось. Что сделаешь—мужик, не понимает, как пылесос в доме нужен.

Валя вздохнула и на минуточку отвлеклась, подумав о том, какой же всё-таки Валера нехозяйственный парень. И тут же простила: откуда ему быть хозяйственным, если вырос без путного мужика в доме? Ей самой ещё повезло, отчим был, можно сказать, нормальный, а у Валеры что? С пацанских сопливых лет бегал без присмотра по гаражам, а в шестнадцать по статье пошёл—украл телефон. Слава Богу, первый и последний раз. Армия, наверное, спасла, после тюрьмы как раз туда направился. А там, после двадцати, уже встретился

с Валей. Успел, правда, ещё одной заделать сына. Школьник, поди, уже. Валя знала, что живут они с мамкой где-то на Ладушке. По словам Валеры, девка там была ушлая, быстро нашла какого-то армянина, съехала с ним, родила ему ещё парочку и теперь живёт припеваючи в трёхкомнатной хате. Не то что некоторые—мыкаются по всяким хибарам...

«Есть же бабы. И с ребёнком везде устроятся»,— подумала Валя полузавистливо-полувосхищённо,

Пока она вспоминала былое, заодно споласкивая тарелки, домой зашёл тот самый нехозяиственный парень.

— Валёк, привет,—обхватил он подругу ледяными руками.

Валя поневоле отшатнулась, и не только из-за холода: уж больно крепким духом разило от суженого.

— Отойди, перегаром несёт!

— Ну и как хочешь,—Валера не обиделся и направился в комнату, на всякий случай слегка опираясь о стенку.

Валя знала, что он вообще-то был неплохой, уж во всяком случае не злой, как другие, вот только упрямый. Даже на ту давнишнюю кражу его подбили когда-то дружки, сам бы не рискнул. Да и теперь не буянил. Хоть и зарабатывал мало, но деньги все отдавал. Правда, учитывая, что вот уже почти неделю питаются они рожками да ножками, можно было сказать и по-другому: деньги все отдавал, но денег-то тех было... Вот и сейчас: где успел нажраться? Ладно, Бог с ним. Зима вообще для сантехников время неприбыльное. Вот весной все потекут, поломаются, там и приработок будет...

В марте Маргарите исполнялось три года, и Валя решила устроить ей настоящий день рождения. Пригласила соседей с сыном, пацаном лет десяти, Надьку с Антоном и свою воспитательницу с группы Людку. Других знакомых у неё не было.

Людка один раз уже приходила к ним в гости, и Валя, приметливая на амурные дела, сразу сообразила, что Денис положил на неё глаз. Всё угощал кофием да про археологов рассказывал. Людка тогда не то чтобы осталась в восторге, но всё-таки сидела и внимательно слушала. Вот и сейчас Валя тайно лелеяла мысль: может, понравится Людмиле Денис, да сойдутся? Ведь он, в принципе-то, парень ничего. Худой, конечно, так ведь и Людка сама худенькая, да и не так чтобы сильно красивая—конопатая и рыжая. Гостинка у неё есть, своя, от тётки досталась. Что бы им не сойтись и не жить?

Валера купил на день рождения дочери торт в «Командоре», две картонных упаковки с вином и одну бутылку «Солнечной долины», пиво, яблоки. Апельсины Валя принесла из садика «по акции»—забрала то, что не доели в группе дети. Настругала два салата, картошку запекла с крылышками, всё

чин чинарём. Но, хоть еды получилось и много, день рождения не особо задался. Соседский мальчишка напился газировки, наелся торта и вляпился в телевизор. Скучно ему было возиться с маленькой. Надька с сыном вовсе не приехали. Валя звонила ей, писала—сначала просто не было ответа, потом неуместно радостный женский голос стал сообщать, что абонент недоступен.

Вина Людка почти совсем не пила, даже сладкую, как садиковский компот, «Солнечную долину» отнекивалась, что здоровье у неё не очень. А Чеба, наоборот, наакался и стал вести себя как дурачок. Сам шутил, сам смеялся, а потом обиделся за что-то на Валеру и кинулся на него чуть не с кулаками. Потом отошёл, опять развеселился и стал бегать за Риткой. Людка сидела, не уходила, ела Валины салаты, но было видно, что ей нерадостно. И когда Денис вызвался проводить её домой, отказалась.

После дня рождения, на сон-часе, Валя в открытую решила спросить у подружки:

— Люда, ну чё? Как тебе Денис? Я говорила, ты ему понравилась.

Людмила посмотрела в ответ слегка насмешливо. Прихлебнула чай.

— Мало ли кому я понравилась? Что, на каждого теперь бросаться?

Валю как будто в грудь укололи булавкой: что это она о себе возомнила?! Гостинку имеет, так и что с того? Не красавица, родных нет, денег тоже...

— На каждого... Что, прямо, можно подумать, у тебя кто-то есть. Ведь нету же, так?

— Нету,—легко призналась Людка.—Но и с Денисом твоим я связываться не стану.

— А лучше одной, что ли?—начала заводиться Валя.—Тебе ж двадцать семь лет уже. Для здоровья хотя бы надо. Он баламутный, конечно, но добрый. Маргошу мне помогал нянчить, сидел с ней, в магазин бегал. Больше, чем Валера!

— Может, это его дочка-то?—хохотнула Людка.

Валя в первую секунду вспыхнула, но, глядя в смеющиеся глаза подружки, вдруг тоже фыркнула со смеху.

— Дурында ты... Да разве же бы я... Да и вон я какая,—Валя развела руки в стороны.—А этот тощий. И главное—у меня Валера есть. А с мужиком-то всё равно жить лучше. Дениска, кстати, он ведь учился. Знает много. Рисовать умеет. Всё как ты любишь.

Людка вроде слушала, а вроде и нет. У неё всегда было такое лицо, что не поймёшь, с тобой она или где-то в своих дальних даях. Наконец сказала:

— Конечно, он добрый, Валь. Но это же не взрослый человек. Это ребёнок. Зачем мне ребёнок двадцати семи лет?

Трудно было с Людкой спорить. И говорить с ней путём не могло. Ты ей о жизни, она о чём-то своём...

— Кстати, мне хорошо даже одной. Да я ведь и не совсем одна: здесь, на работе, много детей, ты, дома ещё одна подруга у меня есть... Знакомые разные... — Блаженная ты какая-то, — снисходительно сказала Валя.

Она иногда чувствовала к Людке некое уважение и даже что-то вроде зависти. Как не завидовать ей, когда она спокойная, как удав, даже если вокруг содом, и от души, по-настоящему, никогда не злится?

«Ребёнка у неё нет. Как бы себя со своим дитём вела?» — с сомнением подумала Валя.

Она ещё не оставляла надежды отдать Дениса в добрые руки, как стала замечать, что он болеет чем-то простудным уже который день. Кашляет, хрипит. Валя давала ему и «Доктор мом», и пастилки с лимоном — всё без толку. Денис кашлял всё сильнее и по ночам как будто давился оттого, что не хватало воздуха.

— Ну-ка дай температуру померяю, — тянула к нему руку Валя.

Чеба дёргался и отворачивался. Есть он почти ничего не ел, только запаривал кашу, грыз карамельки да хлестал холодную воду. По утрам он долго отлёживался, потом куда-то убежал, но было понятно, что не на работу.

— Куда тебя черти понесли? — ворчала Валя вечером. — Болеешь, так лежи! Замёрзнешь ведь, и капец тебе!

Выходные он и правда послушно пролежал на своём маленьком диванчике, но потом опять наступила рабочая неделя, и Вале некогда было следить за Чебой. Так прошёл апрель, а Денис всё продолжал кашлять, и только к маю Валера наконец чухнул, в чём дело:

— Чеба, да что ты куришь?

Отнекиваться Денис не стал, и оказалось, что курил он спайс и ещё какую-то дрянь, названия которой Валя не запомнила.

И тут навалился на неё страх. К водке Валя давно привыкла, в том смысле, что никогда не считала её чем-то сверхъестественным и пугающим, но с наркотой дела, слава Богу, не имела ни разу. Про неё она видела только страшные сюжеты по телеку и боялась даже одного этого слова. Наркоманов со школы она представляла как злых, угрюмых людей, которые всех и вся на свете готовы заложить ради порции очередной дозы. Но ведь Денис не такой!

Хотя... С чего она взяла, что нет?

Валя хотела не думать о том, что Чеба — наркоман, но само это слово какой-то липкой, гадкой чернотой вставало вновь и вновь перед глазами. В голове плыли картинки: вот он украл деньги, приезжает полиция; вот он в отключке валяется, замёрзший, на улице; вот приезжают менты и допрашивают их с Валерой...

Самая страшная мысль почему-то была такая: Денис окончательно чокнется, сойдёт с ума, и этим

безумием заразятся и сама Валя, и Валера, и даже Маргарита. И бабка, и Надька, и все, все, все...

Чеба, однако, ничего не воровал и не буянил, но помощи от него больше не было совсем никакой. Сутками напролёт он валялся на диване перед мелькающими в телеке картинками. Иногда тихо смеялся и бормотал какие-то песни. Выходил из дому по ночам. Валерка в это время всегда спал, а Валя иногда слышала, как глухо стучает входная дверь, и разрывалась между желанием выбежать в сени, наорать, наподдавать этому паршивому тихушнику, и липким страхом. Страх был не то что перед Денисом, а перед чем-то неизвестным и мерзким, перед самой ночью и одиночеством. Валя никогда не любила темноту, а тут и вовсе стала испытывать к ней отвращение. Иногда ей казалось, что стоит выйти в ночной час на крыльцо, сделать шаг — и потонешь в тёмно-сером грязном тумане, покатишься по склону вниз к самому концу Николаевки, где уже нет домов и людей — осыпавшийся обрыв и широкая, похожая на реку железная дорога с тревожными красными огнями.

А Денис не боялся ничего. Он любил бродить везде, нарочно шлялся по городу, выискивая какие-нибудь старые скверики или маленькие базары, а лучше того любил длинные ряды гаражей и полуразрушенные корпуса заводов. Валя раньше принимала его страсть ко всему забытому и заброшенному как чудачество, а теперь ей стало противно, что этот чокнутый шарится по самым задворкам Николаевки, где живут одни алкаши и грязные цыгане, а потом возвращается к ним домой и спит на её диване.

Его худое полудетское лицо стало вызывать у Вали не жалость, а брезгливость.

Однажды его вырвало в коридоре на дорожку, которую Валя совсем недавно вычистила.

— Вставай! — крикнула она ему в ухо, пытаясь всунуть в холодные пальцы тряпку. — Поднимайся! Наркоман чёртов!

Денис пробормотал что-то злое, невнятное и при этом замахнулся на неё. Он не ударил её, но только потому, что не хватило сил: сжатые в кулак тонкие пальцы пришлось вскользь по Валиному лицу.

Валя схватила дочку и села с ней, обнявшись, в дальней комнате. Впервые за четыре года она посмотрела на этого человека другими глазами. Почему она всё время относилась к нему так, будто это какой-то непутёвый подросток? Почему без конца жалела? Почему даже никогда всерьёз не отправляла работать? Всё это время, все эти четыре года с ней, с её мужем, с ребёнком жил человек, который не удосужился ни найти себе отдельное жильё, ни устроиться куда-нибудь по-человечески.

— Пригрела змею, — прошептала Валя, вытирая редкие злые слёзы.

Когда пришёл Валера, она кинулась ему на шею и, сама не зная с чего осыпая поцелуями, стала убеждать, что надо выгонять Дениса сейчас же, что скоро уже лето и он всё равно не замёрзнет, что надо куда-нибудь сплавить его, пока не стало ещё хуже, и вообще переехать в нормальный дом.

Валерка ободряюще похлопал её по заду и по плечу, мягко отстранил от себя.

— Так-то надо, надо. Попозже только. Работа попёрла, щас май доработаю, июнь, и свалим. Подкопить надо.

Валя снова рванулась к нему, обхватила широкую шею руками и, бодеясь головой в Валеркино плечо, тихо сказала:

— Слушай, надо сейчас.

— Да подкопить надо,— терпеливо настаивал он на своём, уже не отталкивая Валу от себя, растерянно рыхля толстыми пальцами её пышные светлые волосы.

Она опять робко стала целовать его в лоб, уши, солёную от пота шею и зацикленно принялась шептать:

— Надо сейчас, сейчас. Сейчас...

— Да ты чё?! — гаркнул Валера, исчерпав свой невеликий запас терпения.— Ты психичка, что ли? Я те сказал: попозже, твою мать! Блин, жила четыре года с ним, всё нормально было! А тут ей приспичило. Я тебе, дуре, говорю, что работа попёрла. Ты хоть бы порадовалась.

— Что мне радоваться! — надрывно вскрикнула Валя, чувствуя, как горло царапает колючий комок.— Мало ли какая дурь в башке-то у него. А если что с ребёнком сотворит? А?! Чё тогда? — Чё, чё! Да ничё! Через плечо... — Валерка грустно и зло заматерился.

Полез зачем-то по карманам своей куртки.

Валя бухнулась на кровать, обхватила подушку, утопила в ней лицо, давая волю слезам.

— Поплачь, поплачь. Меньше посышь,— проворчал Валера.— Я ей говорю, дуре...

Он ещё потолкался в сених и вышел во двор.

Денис больше, можно сказать, не буянил, только смеялся порой придурковатым, совершенно без повода рождавшимся смехом. Валя перестала стирать на него одежду, и он жил днём и ночью в одной китайской футболке с драконом.

Впрочем, стирать скоро стало сложно не только на Дениса. Для полного «счастья» дома сломалась машинка. Валя, понятное дело, попросила Валеру глянуть, в чём причина забастовки техники. Тот, покопавшись во внутренностях стиралки, вынес вердикт: восстановлению не подлежит.

Кое-как она пробовала перебиваться ручной стиркой. Но если мелочь вроде трусов и носков ещё можно было простирнуть на руках, то с большими вещами ничего путного не получалось. Одно намокание. Валя пробовала постирать смену

постельного и вся залилась потом, покуда таскала и сливала воду, да и спина потом заныла.

«Как же раньше бабы управлялись?» — не то с восхищением, не то с сочувствием подумала она. И тут же откуда-то всплыл ответ: «Да так и управлялись, что в сорок лет — уже старуха».

Одно радовало её: на дворе была середина мая, а не холодная слякотная осень или тем паче зима. Тёплого времени Валя давненько ждала: как раз в мае должны были дать путёвку в сад Надькиному Антону. Валя знала, что это дело ей стоит проконтролировать, а то, к чёртовой матери, забудут они с Васькой про путёвку, и останется пацанёнок без садика. Позвонила сестрице, но та была пьяной и бормотала какой-то бред: мол, успокойся, всё сделаем в лучшем виде.

— О-ох, сестрёнка, ёшкин ты кошкин,— вздохнула Валя и решила, что обязательно на неделе съездит к Надьке проведать, как она там, а то и для верности заберёт у непутёвой сестрицы документы, чтобы самой взять на племянника долгожданную путёвку.

Валя даже день выбрала, в который собралась навеститься к Надьке,— среда. Достала телефон, в галерее отыскала фотографию Антона полугодовой давности — славного мальчишечки с ясными карими глазками.

— Хороший ты мой. Некому за тобой путём присмотреть.

Однако вначале приходилось разбираться со стиркой. До бабки ехать было далеко, оставалось одно — идти на поклон к Валериной матери. Та жила за шесть остановок, в двухкомнатной квартире, вместе с дочерью Анькой, которой в этом году должно было исполниться то ли девятнадцать, то ли двадцать лет. Сколько именно, Валя точно не помнила.

Квартира свекровке досталась шутя, когда дом пошёл под снос. После выдачи новой халыжной хаты мать ездила к Валерке редко, всё больше зазывала к себе. Не очень настойчиво, но предлагала пожить у неё, когда родилась Марго. Валя, конечно, отказалась. Лучше какой-никакой, да свой дом, чем в гостях на птичьих правах.

Валя приехала одна, с кипой белья в клетчатой китайской сумке.

— Ой, мать моя женщина,— разохалась свекровка при виде обилия грязных вещей, хотя и была заранее предупреждена о приезде.— Да воняет как, заплесневело всё. Вы окна-то открываете?

— Открываем. И ничё не заплесневело,— огрызнулась Валя.

— Да запах такой затхлый!

Валя с какой-то неожиданной злобой поглядела на неё, ухоженную, с выщипанными и подкрашенными тёмно-рыжими бровями.

— Ну и затхлый! А он и не выводится! Потому что дом такой. Потому что сын ваш не может другой дом снять. Я уж молчу про купить.

— Вот оно как, — развела руками свекровка. — Ну, не может. Не олигарх он, звёзд с неба не хватает. Сама с ним сошлась, сама ребёнка родила. И живите. Я в ваши дела не ввязу. Ты знаешь.

Вале было нечего ответить, потому что свекровь и правда особенно не вмешивалась и свою волю никогда откровенно не навязывала. Только от неумолимой правдивости её слов почему-то ещё больше хотелось поскорей запихать все тряпки обратно в сумку и ехать, бежать с ними назад домой.

Но Валерина мать как раз открыла машинку и стала сортировать бельё.

— Постираю, конечно, куда деваться... А что всё-таки с машинкой случилось?

Пытаясь проглотить засевший в горле сухой комок, Валя ответила:

— Да я откуда знаю?... Вон, сантехник же в доме. Поковырялся чё-то, сказал, что починить нельзя. Надо новую покупать... Ёк машинке.

— М-да... Сантехник...

Свекровка вздохнула, побарабанила крашеными тёмно-красными ногтями по двери ванной. От этого её вздоха Вале стало немного легче и уже не так сильно хотелось жаловаться и изливать свои обиды. Она вдруг поняла, что вовсе не сердится на Валерку за эту дурацкую машинку и не хочет, чтобы его сейчас начала ругать мать. Хватит его костерить, и так ему от жизни досталось.

Из комнаты вышла Валерина сестра Анька — холёная девка в лосинах, с такими же, как у матери, тёмно-рыжими крашеными бровями.

Анька из любопытства заглянула в ванную, кивком поздоровалась с Валей. Дверь в её комнату оставалась открытой. Валя мельком глянула — свежие сиреневые шторы, стол компьютерный, хороший плед на диване. Анька, увидев, что в ванной ничего интересного нет, потянулась лениво, как сытая кошка, и снова исчезла в своей комнате.

Свекровка позвала Валю пить чай и — кто её за язык тянул?! — зачем-то принялась рассказывать всё про Аньку. Что учится она в финансовом колледже, что на гитаре играет, что друзей много, то да сё. Валя не выдержала:

— Вот, тётя Наташа, она у вас учится в хорошем месте, а Валера нигде не учился.

— А кто ему не давал? — пожал плечом свекровка, отломив кусочек шоколадки. — Сам он такой. Учиться не хотел. Ещё до класса до седьмого кое-как дотянула, дневник проверяла, сидела с ним, а дальше! У!.. Запустился. И не хотел, и не мог, видать. Ну, способностей если человеку не дано?! Зато руки золотые. Между прочим.

Валя ничего не отвечала.

— А ты сама-то где училась? Прямо что-то закончила как будто. На медсестру и то недоучилась.

— Так я ребёнка же родила, — оправдалась Валя.

— Ну ты же сама так решила? Сама. Не хотела бы родить, так аборт сделала.

— Я хотела...

Жаловаться тёте Наташе, ясен пень, было бессмысленно. Хотя, может быть, не столько жаловаться ей хотелось, сколько злиться за своего Валеру. За то, что собственная мать оправдывается тем, что она будто бы сделала для него всё возможное и поскорее, прямо с пятнадцати лет, отправила в самостоятельное плавание: живи, сынок, как знаешь.

Но и злиться толком, странное дело, вроде как не хватало сил.

— С ним ведь непросто было, ты же понимать должна, — в тему Валиным мыслям продолжала свекровка. — Мальчишка, что ты хочешь. Хорошо вот, что у тебя девка. С девочками-то оно проще. А Валерка — он упрямый был. Ну, ума много Бог не дал. Но чем он шибко плохой, так-то разобраться? Вон и в армию сходил. И тебя не обижает. Что ещё хочешь?

— Вы бы долг за него заплатили, — сказала Валя.

— Ну нет. Долг платить я за него не собираюсь. В эту авантюру я не ввязывалась.

Валя смотрела на виноград в стеклянной вазочке, на голубую с зелёным узором плитку, которой аккуратно был выложен кухонный «фартук», на свекровкин шёлковый халат и нарисованные брови и чувствовала, что ей хочется, чтобы тётя Наташа обязательно пригласила бы их сюда пожить. Прямо сейчас пригласила. Сказала бы: переезжайте. А Валя бы отказалась, потому что бесит её вся эта красота, и брови эти, и ногти крашенные.

— Приезжай ещё в гости, с девочкой своей. Можете без Валерки приезжать.

— Хорошо. Спасибо, — глухо отозвалась Валя.

— Слушай, у моей подруги одной «Малютка» есть. Хочешь, я у неё попрошу? Возьмёте себе. Пусть Валерка заберёт.

Валя потнула головой:

— Может, он всё-таки старую машинку починит.

— Ну гляди.

Бабка жила на правом берегу, в районе КрастЭЦ. С тех пор, как в двадцать лет Валя сошлась с Валерой, появлялась она в бабкиной квартире не часто, да и вообще ездить на правый берег не было особой нужды. Квартира была «трёшкой», с проходными комнатами. В одной из них когда-то жили Валины родители, то есть мать с отчимом, в другой — Валя с Надькой, а в третьей — сама хозяйка.

Валя не звонила заранее, не говорила ничего, но была уверена: бабку она обязательно застанет дома. Куда ей, старой, таскаться по вечерам?

До Юбилейной она добралась на автобусе, а потом взяла и пересела на трамвай. С удивлением Валя заметила, что трамваи стали новыми, красивыми, правда, ходили всё по тем же старым маршрутам. В детстве она любила трамвай и часто

каталась просто так, чтобы послушать его успокаивающее тарыхтение.

Идти до места надо было через рынок. К вечеру базарная жизнь уже потихоньку замирала. Закрылись самые шумные и суматошные вещевые ряды. Остались работать только несколько ларьков с молочкой, колбасой, хлебом и прочей снедью. Пожилой киргиз в тёмно-фиолетовой, как густые сумерки, футболке продавал варёную кукурузу. — Покупайте, скидка, — ласково предложил он Вале.

Та хотела молча отказать, но, увидев, как Маргоша потянула ручки к доброму дядьке, вытащила из кармана сумки деньги и купила сразу две горячие, дымящиеся кукурузины.

— На здоровье, дочка.

Киргиз щедро посыпал крупной солью жёлтые зёрна.

— Спасибо! Спасибо! — почему-то целых два раза сказала ему Валя.

Скоро они добрались до места. В маленьком квадратном дворике, засаженном ирисами, ландышами, тюльпанами, ещё не зацветшими лилиями, царил тишина. Здесь не было ни горки, ни качелей, не было даже площадки, чтобы побегать, и дети, жившие сейчас в этом дворе, наверное, тоже уходили играть куда-то в другое место, как раньше уходила Валя.

Они с Маргошей поднялись на второй этаж по деревянной лестнице.

— Стучись, — приказала она дочке.

Маргоша стала шлёпать ладошками о широкую железную дверь. Послышались торопливые шаги. Щёлкнули задвижкой, и на порог ступила симпатичная девушка. На лице у неё отразилось явное разочарование — видно, ждала кого-то совсем другого.

— А вы кто? — бестактно полюбопытствовала она. — Я к Татьяне Анатольевне.

Валя сразу сообразила, что перед ней квартирантка. Выходит, за то время, что она не была у бабки (почти год), та надумала пустить жиличку. И копеечку получает.

Девчонка игриво мотнула головой и стрекозой упорхнула внутрь.

— Татьяна Анатольевна, к вам там пришли.

— Иду, иду, моя хорошая, — услышала Валя знакомый глуховатый голос.

Разглядеть квартирантку она не успела. Из серой полумглы длинного коридора вырисовалась полная сутуловатая фигура.

— Ишь, темнота. Дождь собирается.

Щёлкнул выключатель. Бабка окинула нежданных гостей быстрым взглядом и отвернула лицо к кухонному окну, через которое было видно, как собираются плотные тучи.

— Баба Таня, ты меня узнала? — спросила на всякий случай Валя.

— А чё тебя не узнать? Что сумку-то в руках держишь? Поставь.

Валя повиновалась. Чувство наступило какое-то странное: вроде было ясно, что это — дом её детства, самый что ни на есть родной угол, но в то же время она не могла и с места сдвинуться. — Ну, с чем пришла?

— Да вот. Навестить.

— Слава Богу, вспомнила. Всё некогда тебе. Кто мы такие всегда были для тебя? У тебя друзья, подруги. Куда там уж меня вспомнить. Да и кто я тебе такая?

— Бабушка... — прошептала Валя привычное слово.

— Бабушка... Не называла так-то меня сроду. А как будто, кроме меня, кто-то у тебя есть. Я, да Надька, да Антошка-племянник... Ну, проходи, что стоишь?

Небо на глазах темнело и, казалось, нависало всё ниже над землёй. Медленно и тяжело поворачиваясь, бабка ушла в кухонный сумрак, а Валя последовала за ней.

— Малая-то вон уже освоилась, — заметила старуха.

Тут только оцепеневшая Валя заметила, что Маргоша успела забрести на кухню и сидит там в обнимку с какой-то мелкой белобрысой кошечкой.

— Я к тебе долго ехала, — зачем-то сказала Валя. — Сначала на автобусе, а потом на трамвае. Маргоше трамвай понравился.

— Кому?

— Ну, Маргоше. Девочке...моей.

— А, — понимающе кивнула бабка. — Какая там она Маргоша? Что за имя? Ритка она.

— Мне не нравится, когда её Ритой называют, — упрямо возразила Валя.

Бабка подошла к ящику, пошуршала пакетами, по-видимому, что-то ища.

— Ну, чего пришла-то ты?

— Надо, — дерзко отозвалась Валя.

Начиная слегка грубить, она почувствовала себя уверенней и спокойней. Встала и налила себе кипятка из термопота. Но пакетиков с заваркой на столе не нашла. Открывать шкафчики постеснялась. Так и села за стол с пустым кипятком.

— Кому это надо? Мне не надо.

Вале хотелось бросить что-нибудь типа «дело есть» или «надо поговорить», но вместо этого она почему-то опять сказала:

— Мы к тебе долго добирались.

— Назад быстрее будет. В ту сторону Красраб свободней.

Кошка в комнате взвизгнула и бросилась в коридор, наверное, вырвавшись от настойчивых Маргошиных ласк. Забилась под комод. Вале стало жалко скотинку. Завёл, наверное, кто-нибудь, поиграл да и выбросил. А бабка подобрала. Сердобольная. Кошку приютила, студентку пустила...

— Ну, чё сидишь-то, как каменная?

Обида перехватила Вале горло, как цепкие клещи. Защицало глаза.

— Баб, зачем ты так?

— А ты как? Ни здравствуй, ни прощай. Сколько вот я знаю тебя—никакой благодарности не видала.

— А за что благодарность?—вскочила Валя, чувствуя подступающее облегчение за то, что переполненное обидой сердце прорывает, как заржавленную трубу.— За что?! Скажи ты мне, а!

— Ну, не за что, конечно... Обихаживали тебя с Лёшей, кормили-поили... Вырастили. И девчонка вот родилась, я к тебе приехала с коляской и со всем. На дрова я тебе денег не дала? Да без тех дров моих вы бы замёрзли в своей хате холодной, окоченели! Нету у тебя благодарности ни за что. И в детстве не было. Одевали, обували, в школу водили...

— Подумаешь, подвиг! Это всё надо было.

— А в лагерь тебя отправляли три раза?!—распалялась бабка.— А куклу из Интернета купили? Гулять всегда отпускали. В кино ходила чуть не каждый месяц. Платье на выпускной...

«Какая ж ты мелочная. Это ж надо—каждую ерунду помнить»,—брезгливо подумала Валя.

— И главное, никогда мы тебя с Лёшей не обижали. Хорошо всегда относились. Как и к Надьке. Скажешь, нет?

За окном гулко гремело, колотились в стекло молодые тополёвые ветки. Возвращаться домой сейчас всё равно было нельзя, и даже понять, когда закончится гроза,—тоже. Глядя на то, как в проснувшейся ярости дождевые плети хлестали по стёклам, по веткам, казалось, что небо будет гневаться долго, до тех пор, пока не изольёт все слёзы, пока не поглотит все краски и звуки ночная тишина.

— Вы ко мне хорошо относились, а Надьку любил, —превозмогая боль, прошептала Валя.

Старая даже не пошевелилась. Может быть, она и не услышала толком этих слов из-за рёва ветра.

Валя вспомнила, как однажды, классе во втором или даже в первом, она сделала в школе открытку к Восьмому марта, красивую такую, с мимозными шариками из ваты, с аккуратно выписанными веточками. Чтобы не сломать эту открыточку, она несла её в руках, не стала убирать в портфель. Возле подъезда её остановила одна знакомая тётка, хозяйка беспородной косматой собаки, и начала восторженно причитать: «Ой, какая красивенькая открытка! Для мамы, да?» Валя ответила, что да, и тут как раз—надо же такому случиться—из подъезда вышла мама. «Очень хорошо получилась!—продолжала свои непрощённые восхищения тётенька.—Ты, наверное, маму очень любишь, больше всех?» Валя тогда ответила совершенно честно: «Я точно не знаю». Любопытная тётенька

куда-то испарилась, зато мама нахмурилась и сказала: «Вот, значит, как?» И наказала Валю. Наказала своим молчанием. У мамы была такая манера—подолгу молчать, если ей что-то не нравилось. И всегда ныло, ныло сердце, пытаясь разгадать: где просчёт, чем же ты рассердила маму? А мама почти никогда не говорила вслух, чем она недовольна. Оставалось догадываться. И догадки не радовали. Если бы Валю наказали за двойку, за украденную десятку, за разбитую тарелку или порванную юбку, то это было бы терпимо и понятно, как исправить. Но её наказали за то, что было в сердце. И что было с этим делать, Валя не разобралась до сих пор.

Бабка сходила в комнату, включила Маргоше телевизор и вернулась на кухню. По её пристальному взгляду Валя догадалась, что она всё отлично слышала.

— И тебя мы любили. Ты просто не замечала. Трудно с тобой было. Всегда молчком, не придёшь, не посмеёшься с нами.

Вале хотелось огрызнуться насчёт «трудно было», но она сдержалась и только сказала:

— Я думала, вам и без меня хорошо.

Баба Таня пожалала плечами.

— А хоть ты и не родная, всё равно и за тебя сердце болит. Ты думаешь, нет? Мужика этого нашла... Что с него? Ни квартиры, ни машины. Живёте в бичёвнике каком-то. Хоть бы уже ко мне приезжали да жили.

— Валера не поедет,—отрезала Валя.

— Во-о. Гордый ещё. Гордости, как у пса блох. Да и Надьке жить негде. Тоже бедолага... Беспутная.

Валя хотела было вставить слово, что она как раз собиралась съездить к Надьке, привезти ей банки и вещи, узнать про ребёнка, но старая продолжала говорить задумчиво и жалостливо:

— А мне вот, ты думаешь, легко? Семьдесят шесть лет за спиной. Считаю, жизнь прошла. Муж умер, сын умер, об вас с Надькой день и ночь сердце болит. Полпенсии на лекарства трачу. Вам-то хоть бы хны. Кто бы вспомнил бабушку Танюшний раз да позвонил... Сижут тут одна-одинёшенька... Квартирантку вот пустила нарочно, чтоб жильём пахло, чтобы человек был. А то, бывает, осень когда, ночь, ветер в подъезде как стукнет дверью... Думаешь: вот она где-то, смерть моя стучится. Ветер за окном стих, и дождь зашумел монотонно, ровно.

Теперь Вале, наоборот, не хотелось ничего говорить, но молчать было вроде как неудобно, и она предложила:

— Так, может, тебе помочь чем-то? Полы там помыть или в магазин...

— А?... Да нет. Это я, слава Богу, ещё всё сама могу. Мне ведь для другого. Чтоб поговорить с кем. Вот, Валентина, сколько помню я тебя, и ни разу не вспомнишь, чтобы ты меня обняла хоть раз.

Всё волком, волком. Я не знаю, хоть к матери-то своей подходила?

— Не помню. Может, нет, — раздражённо ответила Валя.

— А к кому? К кому тогда? Ты вот, кроме Ритки, хоть любишь кого-то?

— Чего?!

Валя хотела возмутиться, но осеклась.

Всю жизнь — такую долгую двадцатипятилетнюю жизнь — она считала, что только и помогает людям, только и делает для них добро. И вдруг по-бабкиному выходило, что близки тебе не те люди, кому ты то и дело пытаешься принести пользу, а те, кому можешь рассказать о сокровенном. С кем можешь поделиться. И позволить себе быть слабым. Но у Вали, кажется, не было ни одного такого человека. Но как быть слабой с Валеркой? Он же будет пить... Спутается с плохой компанией. За ним надо следить. Хотя он, конечно, хороший... А Чеба? Как ему без присмотра? Пропадёт совсем. Пусть и противен стал... А Людка на работе? А Надька? Как их всех отпустить? Нельзя...

Утешало одно: у бабки, наверное, тоже нет такого человека, раз она спрашивает. Или есть?..

Вале почему-то ревниво захотелось, чтобы старуха была совершенно одинока, всеми забыта и заброшена, не могла бы сама помыть пол, нуждалась бы в том, чтобы кто-то сходил для неё в магазин и приготовил еду. Она даже могла бы стать лежачей, прикованной к старой железной кровати, мучиться от пролежней и бессонницы. Тогда Валя бы каждый вечер могла ездить на автобусе, потом на трамвае, возить тяжёлые пакеты из «Командора», кормить немощную старуху с ложки, обмывать и переодевать. Да что там — могла бы совсем переехать к ней. Много, многое бы она делала, если бы бабушка была больна.

Но что оставалась делать, если она оказалась хоть и старой, но относительно здоровой?

— А ты красивее Надьки, — вдруг сказала баба Таня.

Валя уставилась на неё с удивлением.

— На мать свою похожа. Глаза голубые. Я всегда голубоглазых любила. У меня первый парень был — синеглазый такой. Из армии его ждала.

— Ты раньше ничего об этом не говорила.

— А ты меня как будто спрашивала... Я тебе всегда была как шкафчик с деньгами. Ты ж всё время в комнате сидела, из школы придёшь и шмыг — туда просочишься. И ни здравствуй, ни прощай.

Валя вспомнила, как она и в самом деле, возвращаясь с уроков, стремилась быстренько прошмыгнуть в свою с Надькой комнату, лечь там на койку и поиграть в тетрис. Или плести фенечки. У неё был такой маленький, аккуратненький комодик из спичечных коробков, с разными сортами бисера в ящичках. Она часто сидела за столом, высыпала бисеринки на пластиковые крышечки от йогуртовых бутылочек и, строго следя за рисунком, нанизывала

их на тонкую леску. До её носа часто доносились ароматы жирных, наваристых супов, а иногда и сладких ватрушек с начинкой из творога, которые бабка Таня называла шаньгами. Оголодавшая после пяти-шести уроков, она потихоньку грызла какие-нибудь прикупленные в школьной столовой сухарики, а пустую пачку прятала обратно в сумку, чтобы мама потом не ругала.

Сама бабушка звала её в кухню редко, а если и заглядывала, то Валя неизменно мотала головой и отвечала, что есть не хочет. Потом бабка и заглядывать перестала. А Валя ждала, когда вернется домой к половине седьмого мать и дядя Лёша. Они обычно приходили вместе. Уходили утром тоже вдвоём.

Общий ужин бывал редко. Чаще всего сначала ели взрослые, а после уж они с Надькой. Правда, Надька потом стала иногда сидеть с родителями, распивала с ними чай, хохотала.

Надька после школы никогда сразу не шла домой, гуляла с какими-нибудь очередными друзьями, подругами, бегала зимой на каток...

Валя вытащила из стеклянной вазы пряник. Вкусный, с имбирём, только сухой. Значит, давно лежат — никто не ест.

— Хочешь, с собой дам? — участливо спросила бабка. — Бери. Я могу тебе ещё плед отдать. Хороший плед, тёплый. С начёсом такой.

— Нет... Хотя пряники давай.

Маргарита, видно, устала смотреть мультики, прибежала к матери. Стала тянуть её за руку, за подол.

— Ладно, баб, мы, наверное, пойдём... Я что хотела-то... Думала спросить у тебя: давно ты видела Надьку? Я боюсь, как бы Антошкину путёвку в сад они не проморгали. Давно ты её видела?

Баба Таня молчала.

— Я говорю, давно видела ты Надьку?! — начала сердиться Валя.

— Ты лучше не спрашивай, как я её видела. Не дай Бог тебе такое увидеть. Молчи лучше. Иди.

Она отвернулась и прижалась лбом к стене.

Валю охватила ярость.

— Ну и что ты такое видела? Бухала Надька твоя? Пьяная валялась? С улицы подбирала её, наверное? Вместе с Васей. Знаю я, что ты видела. Она дома шалман устроила, пьянки, гулянки, а ребёнка бросила. Какая с неё мать? Зачем рожала? Таких, как она, стерилизовать надо. Чтоб не плодились!

Баба Таня медленно отвернулась от стенки и прошептала:

— Злая ты.

— А вы добрые?! — крикнула Валя. — Добрые вы все нашлись! Что ты, что тётя Наташа. Заботливые прям! Денег малость дали — и живи как знаешь! Пашешь, пашешь в этом садике, харчи домой таскаешь, двух мужиков кормишь, ребёнка

тянешь—и спасибо никто не скажет! Только ты ходи, вещи проси, деньги проси, унижайся. И паши дальше, хоть сдохни!

— Ну, ну... Что ты?..

Валя, сама от себя не ожидая, рухнула бабушке на грудь и разразилась слезами. Казалось, что её чем-то оглушило. Бабушка гладила её сухими пальцами по плечам, по волосам. За ноги цеплялась Ритка.

— Доченька,—услышала Валя первое слово от бабы Тани.—Всем нам тяжело. Тем более бабам. Не злись так. Главное, о себе заботься, о ребёнке, а эти твои оглоеды пушай как хотят живут. Что заработала, то на себя и трать. Мать твоя знаешь как делала? Всегда себе заначку оставляла. Чтоб, если чё, на себя потратить. Лёшке не говорила. Мне говорила, а ему нет. И правильно.

Ритка отцепилась от материнной ноги:

— Мама, есь.

— Ты же ела!—шикнула на неё Валя.

— Пусть идёт,—возразила бабка Таня.—Доча, иди на кухню, открой холодильник. Ешь там всё.

Прямым курсом послушная Ритка направилась к холодильнику, открыла его и извлекла оттуда полбатона варёной колбасы, от которой, не раздумывая, отхватила немалый кусок.

— Пушай ест ребёнок,—остановила бабушка Валя руку, которая уже хотела было отобрать у девчонки лакомство.—У вас там дома, поди, не густо. А мне не жалко. Берите всё. Я всё равно скоро помру.

Валя вздрогнула:

— Баба, ну что ты?

— Помру, помру,—спокойно продолжала баба Таня.—Семьдесят шесть лет отмерила, хватит уже. Хорошего всё равно, поди, не увижу. Ты уж прости меня, что квартиру всё же Надьке оставлю. Даст Бог, Антошке потом она пойдёт. Но есть и тебе кое-что.

Она взяла Валю под локоть и мягко повела в свою комнату. Закрыла изнутри щеколду.

— У меня, девка, сто пятьдесят тысяч в запасе есть. В смертном. Тебе говорю только, больше никто не знает. Надьке не говорила, а то ведь пропьёт... Эх, прости, Господи... А ты, Валечка, не дашь мне как собаке помереть? А? Схоронишь по-человечески? Полтинника, поди, хватит, а уж сотню как хочешь там расходуешь...

Валя растерянно озиралась в тесной, с низким потолком, комнатке, оклеенной грязно-зелёными обоями. Тут она почти никогда не бывала, пока росла, и вот теперь вдруг была допущена в святая святых этого дома. Комната, к её удивлению, была обставлена хуже, чем две остальные. Оканчивалась она старым деревянным окном, ветхость которого плохо скрывала свежеекрашенная голубая рама.—Баба Таня, да ты же сама говорила, что вроде на здоровье не жалуешься. Не пойму я...

— Не жалуясь, а всё равно годы подошли. Да и родова у нас такая, что шибко долго никто не живёт. Алексей вон вовсе не зажился... Тут со мной знаешь какой случай был? Память потеряла. Проснулась как-то и не помню ни черта. Где я, кто я? Сказать стыдно. Одной женщине, медик она, призналась, она и говорит: Таня, похоже на микроинсульт. Сердце тоже, бывает,—как давит, как давит...

«Это точно, бывает»,—неволью подумала Валя.—Голова по утрам кружится... Так что не узнаешь, когда твой час придёт. Готовым надо быть.

От этого разговора про болезни Вале сделалось не то чтобы приятно, а спокойно. Такие разговоры ей были привычны и как-то по-своему утешительны. Может быть, потому что хворь и смерть, если о них решаешься говорить, делаются уже не такими пугающими.

— Вот тут у меня копилочка,—баба Таня открыла шкаф, достала целлофановый пакет, в котором лежали мотки широкого кружева и разноцветных капроновых лент.—Тебе, Надьке мать маленьким коски плела...

Из тёмного свёртка баба Таня извлекла нетуго скатанный эластичный бинт, а в нём, в свою очередь, оказался аккуратный пакетик с застёжкой.

— Во-от.

На клетчатый диванный плед одна за другой ложились согнутые плавной дугой фиолетово-серые бумажки.

Зимой эти деньги нужны были Вале на дрова, на лекарства для Дениса и Ритки, на лишнюю пару тёплых колготок для себя. Теперь на дворе стояло благодатное майское тепло, в доме было хоть по-прежнему сыровато и забардаченно, однако жить вполне можно, и на огороде были посажены картошка, зелень, кабачки—с голоду никто не помрёт. И показалось Вале в первую минуту, что все эти лежащие на пледе купюры—лишние, ненужные, какие-то несвоевременные.

Баба Таня любовно погладила бумажки обеими руками.

— Тут, Валечка, конечно, на похороны много. На смерть-то мне пятьдесят хватит с лихвой. Ну, конечно, поминки, столовую там... Пусть помянут люди Бушину Татьяну Анатольевну. А остальные бери.

— Куда?—растерянно спросила Валя.—Куда брать-то?

— Как куда? Себе.

Валя умела выбирать короткие маршруты по дворам, чтоб не тратиться на автобус. Умела, как в анекдоте про евреев, готовить три блюда из одной курицы. Умела не выбрасывать ничего и даже рваные капроновые колготки приспособливать под хранение лука. Умела жить на две тысячи рублей в неделю.

Но куда можно было девать такую прорву денег, как сто тысяч, она не знала. Валера за один

раз никогда не приносил больше двадцатки, да и то ведь это были деньги на всех, на семью, а тут — свалившийся на голову подарок только для неё одной. Для неё!

Конечно, можно было закупить хорошей одежды для Ритки, для Валеры, для себя. Обуви крепкой. Или нет. Какая обувь?! Снять нормальную квартиру. Чтобы с ванной, с двумя комнатами, как у тётки Наташи. Шторки сиреневые. Плесенью вонять не будет. А Валере как это сказать?

Валя сразу представила, как она сама подыщет хорошую квартирку, прибежит к своему и скажет: смотри, мол, что я нашла! Обрадоваться должен — ведь поживут наконец как люди!

— Ты только мужику своему ничего не говори, — будто угадав направление её мыслей, сказала баба Таня. — Купи что-нибудь путнее. Машинку там стиральную или холодильник. Или знаешь чё? Чем в вашей холодной хате жить, возьми да сними с ребёнком комнату хоть в какой приличной общаге. Платить-то и ненамного больше. Зато в тепле. Никаких дров не надо. А мужик твой пусть, если хочет, то к вам идёт. Не хочет — куда хочет идёт. — Как это? — удивилась Валя.

Баба Таня усмехнулась.

— Думаешь, куда-то он денется? Придёт как миленький. Так ему и скажи: надоела мне такая жизнь. — Да уж сколько раз говорила! Не хочет он съезжать.

— Я тебя и учу: сама съедь. Платить этими деньгами покуда будешь, а там Ритка старше станет, подработку найдёшь. Полы какие-нибудь мыть... Сторожить... Ради ребёнка что не сделаешь?

За окном полыхали огненные всплески заходящего солнца. Опомнившись, Валя схватила телефон, глянула время: доходило до десяти вечера. На экране маячил квадратик-письмо: пропущенные эсмэски от Валерки — целых четыре штуки. И один не отвеченный вызов.

— Оставайся у меня. Куда тебе торопиться? Завтра суббота. На работу не надо.

— Да, — легко согласилась Валя. — Я только своему позвоню.

Нажимая на кнопку вызова, она уже знала, что Валерка её отпустит, и хотела только извиниться перед ним за то, что не брала трубку.

— Ну ты где загуляла-то, мать?

— Да я у бабушки... Валера, прости, что не отвечала. Чё-то звук выключился. Не сердись.

— Да чё мне зевать? Жива, слава Богу.

— Там у тебя есть чего поесть-то?

— Щавель в огороде растёт, — хохотнул Валерка.

— А Чеба где?

— А хрен его знает. Ты что, не приедешь сегодня?

— Да... Бабушка зовёт ночевать остаться.

— Ну ладно, мать. Спокойной ночи.

Валя немного удивилась: давно не помнила, чтобы мужик ей желал спокойной ночи.

— Как ты с ним прям ласково воркуешь, девка, — в свою очередь выразила удивление баба Таня. — «Прости» да «не волнуйся»... Главное, про деньги ему пока не говори. Реши вначале, куда съезжать будете.

Баба Таня, Валя и Ритка ночевали на одном диване. Открыли на проветривание окно — воздух был прохладный и свежий, послегрозового. Долго разговаривали, перед тем как уснуть. Баба Таня легла у стенки, возле старого узорчатого ковра, который не снимала для большего тепла. Ритка — посредине, в обнимку с кошечкой. Валя осторожно гладила её по головке, по спине. Смотрела на полосы от проезжавших мимо машин. Потом мирно уснула и проспала до девяти часов субботы, чего себе не позволяла уже, наверное, пару лет.

— Мы с ней поругались вначале. Прям чуть не ненавидела её, знаешь... А потом, оказывается, ей тоже плохо... Мы расплакались с ней вместе... Сели, обнимаемся да плачем, — рассказывала Валя.

Валерка снисходительно фыркнул:

— У баб да у пьяных слёзы дешёвы.

Валя обиделась и замолчала.

Однако рассказать всё равно кому-то хотелось. Оставалась Людка. Та выслушала и смеяться не стала.

— Я давно заметила: много проблем оттого, что все друг от друга что-то скрывают. Говорить не умеют. И всё думают, что кто-то догадается и кто-то скажет... Самое интересное, что плохое всё-таки меньше скрывают, а вот доброго всегда стесняются.

Валя немножко поразмыслила и спросила у неё совета насчёт денег.

— Как ты думаешь, Люда? Может, мебель купить?

— Нет. Вот представь: у тебя есть уже квартира.

— «Двушка»? — уточнила Валя.

— Да хоть «трёшка». И мебель есть. Диван, кровать для Ритки.

— Окно пластиковое?

— Все хорошие окна. Одежда. Еды всегда хватает. Ну, короче, всё есть. Чего ты тогда хочешь?

Валя даже оторопела.

— Я?

— Ты, ты.

Оглядев детсадовскую группу так, будто это была та самая «трёшка» с избытком всяческих вещей, Валя потрясённо изрекла:

— Я в театр хочу сходить.

— Пошли, — согласилась Людка. — Возьмёшь меня?

— Конечно, возьму. Валерка-то не пойдёт.

— А ты его спрашивала?

— Да что ты! Он там сроду не был. Даже в школе, наверное.

— Так а ты спроси его, может быть, он и захочет.

— Ладно, — хмыкнула Валя.

— Помнишь, ты говорила, что воспитателем была бы не хуже меня? — напомнила Людка.

— Да я и щас так думаю!

— Может, учиться пойдёшь тогда на воспитателя?

Валя внимательно посмотрела на подругу.

— Я подумаю.

Несколько дней она раздумывала над тем, кем бы ей хотелось стать. Только сейчас она поняла, что ей всего двадцать пять лет и то, что у неё есть ребёнок, ещё не значит, что учиться уже нельзя.

Идею с воспитательством Валя отвергла почти сразу. На самом деле ей не очень-то нравилась Людкина работа, просто хотелось слегка подковырнуть её за нерасторопность. Валя любила занятия по лепке, аппликации, где всё можно было аккуратно клеивать, прикладывать, но её потряхивало от одной мысли, что надо будет терпеливо объяснять все эти действия двадцати сидящим за столами детям.

В садике у них не было бухгалтера, и заведующая уже не раз говорила на планёрке, что хорошо бы подыскать на эту должность толкового человека. Бухгалтерши получали не такие уж плохие деньги, особенно в сравнении с нянечкиным доходом. Но, поразмыслив день-другой, Валя поняла, что и бухгалтером ей быть не хочется. На этой работе, наоборот, ничего живого — поговорить не с кем, цифры да цифры.

В первую неделю после поездки ей всё ещё казалось, что баба Таня передумает, позвонит и скажет: «Давай, Валька, деньги назад». И отдаст их своей квартирантке. Тем более она при том ночном разговоре, не таясь, призналась, что и впрямь хотела сначала отдать их жиличке, чтобы та ухаживала за ней, если сляжет.

Но баба Таня ничего такого не говорила и денег назад не требовала.

Чеба так и не возвращался домой, однако Валя с удивлением обнаружила, что больше не беспокоится за него. Ей было всё равно, повяжет ли его полиция с какой-нибудь наркотой, заболеет ли он или будет резать вены от несчастной любви. При этом она не чувствовала себя злой и бессердечной. Она готова была пустить Дениса домой, позволить ему переночевать, но особенно его возвращения не жаждала.

Валерка немного скучал без Дениса. Без него и пить было скучно. Вечера приходилось чем-то занимать. От скуки Валерка пёк блины и кексы в формочках в виде роз. Валя с удивлением узнала, что кулинарит благоверный вроде и не хуже неё. — Слушай, хватит меня мучным-то кормить, — заметила однажды она ему.

— Невкусно разве?

— Вкусно-то вкусно, да разнесёт вширь на твоих постряпушках. И сам вон... пузо висит. Ты бы лучше посидел, квартиры посмотрел.

— Какие квартиры? — оторопел Валера.

— Обыкновенные. В каких люди живут. Ты же сам согласился, что переезжать надо. Говорил, летом переедем.

— А-а... Ну да, говорил. Щас парни хорошо с работой помогли. Потом, Чеба где-то гасится. Мы на нём сэкономили. Я вот посчитал за эти три недели: знаешь, сколько на него лавэ уходило? Капец. Я чё-то покубатурил, мать, и скажу тебе: невыгодно было его держать.

— Да я давно знала.

Валера замялся.

— Только слушай... может, не надо съезжать-то пока? Ну чё мы с тобой снимем за наши бабки? Общагу только. Комнату. Места не будет. А тут всё-таки места завались! Мать хороший подарок сделала.

— Она за этот подарок каждый месяц шесть тысяч забирает, — напомнила Валя.

— Ну да... но всё-таки. Удобно же. Места много.

Валя посмотрела на него и почувствовала досаду, граничащую с брезгливостью. Талдычит одно и то же и с места сдвинуться не хочет... Может, права была бабка?! Собрать шмотки и к чёртовой матери съехать! Пускай даже и в общагу или какую-нибудь гостинку. Зато никакой больше плесени и никаких дров! И тётки Наташи с её закодонами.

— Кому удобно-то? Тебе удобно! А мне неудобно! — взвилась Валя. — Сидишь в этой халупе и мёрзнешь зимой!

— Так щас-то лето...

Валя презрительно фыркнула.

— Слушай, ты как в анекдоте про папуасов. У которых кокосы с пальм сами валяются, если ветер. А если ветра нет — ну, тогда неурожай.

Валерка молча смотрел на неё с тупым, непонимающим выражением лица.

— А вот у меня, между прочим, деньги есть, — с вызовом объявила Валька. — Немало. И я на эти деньги вместе с Риткой сама сниму гостинку. И буду жить как человек!!

Валера ещё какое-то время пялился на неё таким же отупелым взглядом, потом глубокомысленно сам себе кивнул и медленно сказал:

— Понятно.

— Чё понятно? И не спросишь даже, куда я ушла?

— Куда, куда. Понятно, что к любовнику. Он тебе и денег дал, он тебе и хату снимет. Только хренушки я тебе Ритку отдам. Вали, стерва, сама.

— Ты чё, в голову укушенный?! — истерично вскрикнула Валя. — Какой, на фиг, любовник?! Бабка мне деньги дала! Баба Таня!

— Бабка?... — выражение Валериного лица опять сменилось на растерянно-непонимающее. — А за чем?

— Затем, что родня она мне единственная и помочь хочет... Но тебя, я вижу, с места не сдвинешь. Ты так и собираешься в этой сараюге жизнь

прожить. Матушка твоя потому что дала. Подарочек сделала. Облагодетельствовала нас. Ещё и котика её кормим.

Валя не очень-то хотела говорить все эти не-добрые слова, но они выливались из неё помимо воли. От этого, правда, становилось вроде бы легче. В глубине души она прекрасно понимала Валерку: менять что-то было очень страшно. На словах она всегда утверждала, что мечтает о лучшей жизни, но сейчас ей было трудно всерьёз поверить, что она и впрямь уедет из этого дома. Да и дома ли? Валя приподняла край тяжёлого ковра. В нос ударил затхлый запах плесени. Она брезгливо опустила ковёр и смутно удивилась, почему не выбросила его раньше. На столе у окна стопкой лежали неглаженные вещи. Брататься за них не хотелось. Даже ругаться не хотелось. Только сидеть, смотреть в окно и ничего не делать. Не думать ни о чём. Просто отдыхать и приходиться в себя.

Валя спохватилась, что надо чем-то накормить семейку. Нехотя она поднялась с кровати и пошла замешивать тесто на кефире, испечь оладушки. Не заметила, как вместо муки бухнула в кастрюлю полпачки соды.

— А-а! — закричала она так громко, что никак от себя не ожидала.

— Что такое? — примчался на кухню Валера.

— Ничего...

У Вали вдруг полились обильные, ничем не удерживаемые слёзы. Она выбросила в раковину полупустую пачку и закрыла лицо руками.

— Прости, — извинилась она. — Не знаю, что со мной. Аж трясёт чё-то всю... Я сейчас успокоюсь, сготовлю всё.

Валерка ничего не говорил, только топтался около неё, но ей стало вроде спокойней оттого, что он не уходит, — значит, ему не всё равно.

— Ты чё? Ты чё сегодня так психуешь?

Валя бестолково пожалала плечами и сделала попытку улыбнуться:

— Не знаю... Надоела мне просто эта жизнь.

— Да и мне тоже.

— По тебе не скажешь.

— Ты тоже раньше молчала. Я думал, нормально всё.

Валька удивилась.

— Знаешь, что мне бабка говорила? — ей страшно захотелось рассказать секрет, как в детстве. — Чтобы я не ждала, пока ты созреешь, а сама бы искала жильё и съезжала. А ты бы, если захотел, приехал. Только она просила, чтобы я тебе ничё не рассказывала.

Валерка засмеялся:

— Ду-урочка. Выдала всё. Нельзя тебе тайны доверять.

Она усмехнулась:

— Так я не поняла, ты переезжать хочешь?

— А ты-то со мной поедешь?

— Поеду, куда деваться. Это ты ничего не хочешь, а я пожалуйста.

Он стал серьёзнее:

— Вот и врешь. Ты расписываться не хочешь со мной.

— У тебя долг висит за алименты! И за мебель эту ещё дурацкую. Если что, так все эти твои долги на меня повесят, на жену законную!

— В смысле — «если что»? Если помру я, что ли?

— Ну да! Или... или если...

— Если разведёмся потом?..

Вале не хотелось отвечать, но внутри себя что-то ответить всё равно приходилось. Она всегда думала, что это Валерка разгильдяй и за семью отвечать не может, а тут вдруг как-то вышло, что на самом деле это она до сих пор всерьёз не считает себя его женой.

— Ну... Ну, не знаю...

Он подошёл к ней, начал привычно наглаживать по широкой спине.

— Коровушка ты моя. Чего ты разревелась?

Валю уколола обида, однако из Валеркиных объятий она не пыталась выскользнуть.

— Сам-то какой...

— Я? — вскинулся Валерка с неуместной радостью. — Я вообще дурак! Я всегда удивляюсь, как ты меня терпишь. У меня первая была — ну ты, помнишь, с Копылова, — так она даже порой по башке меня била. Дебил, говорит, ты конченный, на зоне пропадёшь. Такая сильная была. Но я от неё устал. А ты, Валька, добрая. Я даже не знаю, какой у тебя... доброты запас. Всё терпишь, терпишь меня почему-то. Иной раз думаю: другая ушла бы к бабке. Жилья нет, с деньгами подсос... А ты вот не уходишь.

— Догадаешься хоть, почему? — Валя вжалась в него и даже глаза закрыла, чтобы не так страшно было сказать: — Я же люблю тебя.

Валерка нервно хохотнул:

— Меня?

Она боднула головой его плечо:

— Скажи мне что-нибудь.

— Чё сказать-то?

— Хорошее что-то...

— Валя... — Валерка тяжело вздохнул. — Валька моя.

Он долго молчал, неподвижно сграбастав её в объятия, и, когда Валя уже собиралась уйти, выдавил из себя простодушно-нежное:

— Валечка...

И тут Валоу как будто прорвало: она стала осыпать его поцелуями, гладила, как ребёнка, по голове и говорила, говорила что-то ласковое, доброе, глупое, нежное, чего не произносила, кажется, никогда:

— Валерочка... Милый... Хороший, славный, самый лучший... Всю жизнь бы тебя целовала, всю жизнь. Только тебя. Валерочка... Миленький.

Она слегка задыхалась, и голова немного кружилась. Вообще, Валя чувствовала себя как человек,

который перенёс какую-то серьёзную процедуру или даже операцию и теперь должен восстановиться после неё. Ещё долго они стояли на кухне, обнявшись, а в раковине валялась не нужная никому пачка муки для оладьев.

Чеба объявился в июне, когда они уже почти обжились на новой квартире: позвонил на Валерин номер. Едва услышав про Дениса, Валя вздрогнула: меньше всего ей сейчас хотелось, чтобы в только-только устоявшуюся жизнь опять врывались пьяные посиделки, нервопрёпки и ожидание неприятных сюрпризов. Но Валера как мог успокоил её: — Слушай, ведь это мы его в своё время пустили у себя жить? Понимаешь? Мы же ему сами ключи дали. А сейчас не дадим. Ну что он, к нам ломиться насильно будет?

— А если будет? — опасалась Валя.

— Не будет. А если да — менты нам в помощь. Но он не дурак. Просто что его бояться-то? Пусть придёт. Расскажет, что с ним случилось.

Они пригласили Дениса в одну из суббот. Странно было видеть, как он вежливо кивает в ответ на приглашение пройти, слышать, как спрашивает, можно ли взять масло, хлеб. Валя настолько привыкла, что Денис ни о чём не спрашивал и брал всё принадлежавшее им как своё, что оторопела от его невесть откуда взявшейся обходительности.

Одежда на нём была другая. Старую футболку Чеба сменил на рубашку-поло, чёрные спортивные штаны — на слегка потрёпанные, но вполне прилично выглядывшие джинсы.

— Ну, рассказывай, братуха, — нетерпеливо попросил Валера.

Оказалось, что Денис попал в протестантскую общину. Когда ушёл от Вали с Валерой, одно время жил у приятеля (Валя про себя удивилась тому, что у Чебы, оказывается, есть какие-то друзья помимо них). Потом в Покровке, прямо на улице, один парень подвернулся и начал разговор. И зацепил за живое.

— Он мне говорит: «Ты зачем живёшь?!» — с чувством, но сохраняя серьёзнейшее выражение лица, рассказывал Денис.

И опять Валя успела мельком подумать, что не раз и не два спрашивала его о подобном, ругалась, что он не хочет работать, говорила, что так жить нельзя... Но тогда почему-то Денис её не слышал.

Парень, не теряя времени, с ходу привёл Чебу в общину. Община располагалась в просторном, хотя бедном, деревянном доме. Внутри дома в одной комнате была молельня, в другой — столовая, в третьей — комната отдыха. Дениса накормили ухой, положили спать, а назавтра разбудили, опять накормили и отправили колоть дрова.

— И ты колот? — с сомнением спросил Валерка.

— Конечно. Кто не работает — тот не ест. Это апостол Павел сказал.

Валя хотела рассмеяться, но смешок так и застрял у неё в горле — до того серьёзно-торжественным было лицо Дениса. Зато Валерка решил подколоть:

— А ещё что тебе Павел сказал?

Денис не среагировал.

— Много, — ответил он. — Только не просто Павел, а апостол Павел. Раньше он неверующим был, во тьме пребывал. Христиан гнал. А потом по пути в город Дамаск его настиг свет. И голос ему был: «Зачем гонишь меня?» Понял всё Павел и стал уже не гонителем христиан, а их лучшим другом. Конечно, вначале ему не верили...

Валя слушала не столько слова Дениса, сколько его голос — успокаивающий, мягкий. Умные слова, которые Чеба вставлял в свой рассказ, её не удивляли: она и раньше знала, что он парень неглупый и знает много такого, о чём ей с Валерой неведомо. Правда, говорил Денис вроде бы как-то не совсем от души, как будто выступал в театре. Но слушать его хотелось.

— Ну, натрепал с три короба! — притворно проворчал Валера. — У нас ты долго молчал!

— Молчал... И обветшали кости мои от стенания моего, — странно ответил Денис.

— Вот уж точно, кости-то твои пообветшали, — согласилась Валя. — Кормишь тебя, кормишь, а ты всё худой, как скелет. Куда в тебе деваается? Есть там женщины-то у вас, кто готовит?

— Сёстры есть. Но готовит чаще Андреич, у него очень вкусно получается... А так есть сёстры, конечно, только они в другом доме живут.

— А с вами чё, не хотят? — снова поддел Валера.

— Сёстры отдельно, — не обращая внимания на подколку, уверенно подтвердил Денис. — У них тоже у всех сложная судьба. Одна у нас есть — Злата. Над собой смеётся: «Злата — на чудеса богата». Она медсестрой работала, ей нравилось, ну а потом... с катушек съехала, пить начала... В ночлежке жила. И вот так же, как меня, случай её к Иисусу Христу привёл. Так она работу стала искать — представляете, попала опять в ту же больницу, где и была, только санитаркой. Она всегда там хотела служить. Людям хотела помогать. И Господь её вернул.

— В натуре, чудо, — согласился Валера. — А парни как туда к вам попадали?

Денис охотно рассказывал, пока Валя подавала им чай, свою любимую селедку под шубой, куриные котлеты. Ритка вначале играла на кухне, потом прибежала к Денису и без лишних слов забралась к нему на колени.

— Вишь, любит тебя! — Валя обрадовалась тому, что Чеба, хотя и стал совсем странным, всё-таки не чужой, раз его признала девчонка.

В голову ей пришла мысль.

— Слушай, Денис... Ты теперь стал божественный... Других-то таких знакомых у нас нет... Так, может, будешь крёстным для Ритки, а?

Она опасливо поглядела на Валеру—не будет ли тот спорить, но Валерка подтвердил:

— Давай покрестим ребёнка. Породнишься с нами?

Денис медленно помотал головой:

— Не могу. Во-первых, детей крестить не нужно. Крещение должно быть сознательным. А во-вторых, вы не по-христиански живёте.

— Чё это?—спросил Валера скорее грустно, чем недовольно.

— Не расписаны вы.

— А-а...—горько протянула Валя.—Так ты знаешь, какой у него в банке долг висит? Он, когда по молодости окна делал, попал в долги на триста тысяч! А если распишемся, то этот долг...

Она оборвала саму себя, закричав на Ритку:

— Куда грязь тащишь в рот?! Яблоко немывтое!

Денис спокойно забрал у ребёнка яблоко и устался в окно.

— Чай попиваешь!—ни с того ни с сего взялась Валя.—Пришёл, жизни учишь! А чай-то наши!

— Э, мать! Придержи коней!—сердито буркнул на неё Валера.

Но Валя отчего-то не могла остановиться и сыпала на Дениса горькими, злыми словами, укоряя его в том, что он столько лет подряд ел их хлеб и жил в их доме. Вываливая на него всю скопившуюся в душе грязь, она сама понимала, что этих слов Чеба, может, и не заслужил. Где-то в глубине души Валя даже обижалась на себя, потому что раньше ей всегда хотелось думать, что она в самом деле жалеет Дениса, желает ему добра, а вот, оказалось, не так уж и желает. И признавать это было тяжело.

А Чеба сидел так спокойно, как будто спал наяву или мысленно выключил звук у всего окружающего. Разве что плечом дёрнул пару раз, когда Валя слишком близко наклонилась над ним.

— Дура-ак... Ой дурак,—решительно качнула головой Валя, завершая свою гневную речь.—Вляпался куда-то, в какую-то общину, хрен пойми... Пошёл бы уже, как люди, работать. Штас все деньги у тебя там выкачают.

Денис слабо улыбнулся:

— Работать я там как раз буду, а денег у меня, вы сами знаете, нет.

Валера довольно заржал:

— У тебя как в анекдоте, знаешь, про Красную Шапочку? Идёт такая Красная Шапочка в темноте по лесу, ну и Волк навстречу: «А чё, Красная Шапочка, не боишься ты ходить-то?» Она говорит: «А чё бояться? Денег у меня нет, а потрахаюсь я люблю!»

Валя фыркнула и одобрительно кивнула:

— Во-во. Тебе уже, видать, ничё не страшно. Хоть в общину, хоть в тюрьму.

Валера несогласно покачал головой.

— А я тебе завидую, Денис. Что ты ничего не боишься. Хорошо, когда человеку нечего бояться. Может, там, с божественными, тебе и нормально будет. Ты всегда у нас был такой, не от мира сего.

Валя поражалась, что Чеба ни на одну подколку не среагировал хотя бы словом. Так и сидел, не шелохнувшись, с каменным лицом. Хотя, наверное, не с каменным. Лицо, как и всегда, у него было детское и немного жалкое, бледное, с маленьким подбородком и высоким лбом.

«Накачали его там чем-нибудь»,—решила Валя.—Теперь там жить будешь, в этом доме?—поинтересовался Валера.

— Нет... Пока нет. Я к матери съезжу. В Ростов. Надо мать проведать... Я совсем забыл про неё.

— А-а,—благоговейно согласился Валера.—Промать забывать нельзя. Ты съезди, съезди.

— Деньги, что ли, есть на билет?—встряла Валя.

— В один конец есть.

— Ну давай, поезжай...

Валера даже не прибавил «братуха», только сдержанно похлопал Дениса по спине. Когда Чеба только собирался прийти в гости, они думали, что будут сидеть до вечера, будут пить вино (у Вали была припасена бутылочка белого и нормальный самогон), посмотрят какое-нибудь кино, вечером вывалятся на улицу и будут вместе гулять по Ветлужанке... Но всё это почему-то стало невозможно, неуместно, и только и оставалось, что, кивнув, проводить Дениса до лифта, пожелав ему доброго пути. Он уезжал куда-то туда, где Валя с Валерой были лишними или чужими. Да и вообще оказался совсем не таким близким, как им хотелось думать.

После его ухода они долго молчали. Даже Ритка притихла и занялась перебиранием мелких игрушек.

— Поехал на свою родину,—выдохнул наконец Валера.

— Ага. На Марс,—усмехнулась Валя.—Ты как думаешь, это у него надолго?

— Что?

— Божественность эта... Община.

— Не знаю,—опять вздохнул Валера.—Он же всегда странный был. Только там же бухать нельзя, ругаться нельзя, ничё нельзя. Наверное, не выдержит. А хотя—кто его знает? Вот, заботились, заботились с тобой о нём, а он ушёл.

— А ему и без нас неплохо.

— Да, Валька. Это нам без него скучнее будет. Кто нам будет истории рассказывать?

— И не говори. С кем я буду ужасы смотреть?

— Тебе в жизни ужасов не хватает?—грустно усмехнулась Валера.

Валя поднялась, чтобы открыть окно.

— И свет выключи. Лето уже пришло, светлынь, а мы всё с лампочкой сидим.

Путёвку на Антошку-племянника забрал Вася. Валя узнала об этом, когда в очередной раз набрала Надькин номер, ожидая услышать там уже привычно-бодрое: «Абонент недоступен»,—а услышала Васин голос. Оказалось, что Надьку увезли

в туберкулёзный диспансер на принудительное лечение. Вася рассказал, что последнее время она сильно кашляла, худела, чернела, жаловалась на то, что болит грудь. Потом кашель стал ещё сильнее, и Надьку, чуть только она переступила порог поликлиники, сгребли в охапку и увезли в стационар. Комнату, где они жили, дезинфицировала СЭС; хозяева жилья возмущались и проклинали всё на свете, и Вася вместе с Антошкой быстренько перебрались к Надькиной бабке. Их тоже обследовали и обнаружили у Антошки скрытую форму. Вася уже думал, что и сына заберут в какой-нибудь стационар на лечение, но его оставили дома, сказали только, что надо всю жизнь наблюдать за проверяться.

— Надька месяца три-четыре пробудет в своём том диспансере. Подлечат, потом, может, вернётся...

— А может, не вернётся.

— Да вернётся, это же в наше время лечится! — энергично возразил Вася. — Хотя, конечно, хреново с ней. Такая, блин, вся худая да чёрная стала. Да так кашляла. Ну, вот пока её нет, путёвку взял.

— В садик-то ходил? Узнал, какая группа?

— Конечно, узнал. Младшая.

— Это понятно. А название?

— Ну, «Черёмушки».

Валя не удержалась от улыбки.

— Пацанское название. А вещи-то спросил какие нужны?

— Да спросил я всё! И всё приготовил! Что ты докопалась?

— А водить его кто будет в сад? — не унималась Валя. — Баба Таня?

— Почему? Я буду водить.

— А забирать?

— Ну, забирать может иногда и бабка, если я с работы не буду успевать. А что?

— Да так... Вещи-то вам хоть нужны?

— Вещи? На Антошку?

— Ну не на тебя же! Я ведь сколько вещей Надьке привозила, ты не видел, что ли?!

— А-а... Так они больше на девочку были. Она иногда их и выкидывала...

Посмотрев на Валино лицо, Вася осёкся:

— Ну, это редко было... Нет, ты приезжай, привози, если есть. Просто приезжай. Бабка ж тебя ждёт.

— Я знаю.

Валя через пару недель решила съездить к сестре. Ехать ей не хотелось. В мыслях она представляла тубдиспансер как ветхий, разваливающийся от старости дом, где доживают свой век старики-бомжи да обитают молодые алкоголички навроде Надьки, где кругом затхлость и отвратительный запах лекарств. Скрепя сердце, она всё-таки поехала, хотя очень хорошо осознала, что на сей раз помочь сестре она не сможет буквально ничем. Разве что сметанки привезёт. Насчёт сметанки посоветовала баба Таня, которая сама уже дважды

съездила проведать внучку и ездила бы ещё, да вдрут слегла с разыгравшимся по непонятной причине гайморитом.

— Ох, какие все кругом болезненные, — не без гордости заявила Валя, собираясь к сестре.

Никакой затхлости и ветхости в тубдиспансере не оказалось: здание было хоть и старое, но выглядело прилично, снаружи и особенно внутри всё тщательно убрали и мыли. Правда, запах лекарств и хлорки, конечно, стоял в воздухе, а помимо него ещё и ругань, которой щедро посыпали друг друга и обитатели больнички, и её работники. К Надьке в тот первый приезд Валу не допустили. Она только передала ей сметану и котлеты и вышла, трезгливо подумав, что больше сюда ни ногой. Однако через месяц поехала ещё раз, когда сестру уже подлечили и разрешили ей свидания. Валя в халате и марлевой маске зашла внутрь палаты. Там сидели какие-то две девки, худые и глазастые, с острыми носами и скулами, пили дешёвый чай, посмеивались. На койке справа у стены дремала старуха, выпростав жилистую сизую руку поверх лёгкого одеяла. Надька доложила, что чувствует себя куда лучше, что сильно скучает по сыну, по бабке, да и по Ваське тоже, игриво интересовалась у Вали, не изменят ли он ей, не водит ли кого-нибудь. По весёлости её тона Валя поняла, что сестра абсолютно уверена в Васькиной верности и в том, что скоро поправится.

Она вместе с девками-соседками рассказывала, что тут у них на нижнем этаже селят одних старых, кому доживать, или у кого совсем нет никаких родных. Рассказывала, что привозили какую-то женщину, которая днями напролёт плакала, пока её не навестил сын. Привозили целую компанию алкашей, которые прямо ночью стали пить и колотиться в соседние палаты и их, козлы такие, тоже домогались, не слушались даже главного врача, и через день-другой их выселили («Так и надо!» — гордо добавила одна из глазастых девок). Узнала Валя и про психа, который всем раздавал свой телефон и уверял, что любому поможет в беде, и про эков, которых поселили в отдельную палату, и они поют блатные песни.

Главное, про что бы Надька ни говорила, она не переставала посмеиваться, хотя смех у неё порой переходил в кашель, и, рассказывая местные весёлые жутки, чуть ли не хвасталась Вале. Всё это казалось каким-то безумием, но Надьке действительно было не плохо — ей было хорошо, и всё происходящее она воспринимала как приключение, которое когда-нибудь можно будет вспомнить. Валя так не умела.

«Ребёнок дома остался с папашей, неизвестно, сколько будет без присмотра... Сама болеет. Денег нет. Господи! Что ж она не понимает-то, в каком аду находится?»

Но Надька не понимала, и, похоже, в её глазах никакого ада вокруг вовсе не было.

И всё продолжало жить своей жизнью. Зэки-туберкулёзники пели блатные песни, Антошка ходил в садик, Вася устроился на постоянную работу, баба Таня затеяла ремонт, Валеркина мать (с его слов) нашла какого-то богатого любовника и укатила с ним в Таиланд, Денис уехал на родину... Мир оставался прежним, и Валина помощь ему, похоже, была не нужна.

Гостинку они сразу решили снимать на Валерины деньги. Бабушкины сто тысяч Валерка предложил потратить Вале на учёбу.

— Машинка у нас есть, мебель стоит — что попусту тратиться? Ты же выучиться хотела на воспитателя, — напомнил Валера. — Будешь хоть на пять косарей побольше получать. Важная будешь — воспитатель, не то что просто нянечка.

— На фиг мне эта важность? — отмахнулась Валя. — Лучше медсестрой буду. Я же начинала на медсестру учиться. Потом тебя встретила, и мне справку дали.

— Какую справку? Что меня встретила? — хохотнул Валерка.

— Дебил! Что недоучилась! — громко, но беззлобно крикнула Валя.

Валерка продолжал довольно лыбиться.

— Да вы все психи, что ли?! Один в секту вляпался, другая в «тубике» валяется, ребёнок дома брошен. Третий ржёт, как конь!

— Сама ты орёшь, как белуга!

— Я белуга? Сам ты это... существо неопознанное.

— А ты шкурка арбузная!

— Сам ты барсук вислоухий!

Валька хохотала. Когда они с Валеркой только познакомились, но шутя кидались друг в друга разными обзывалками. Никто и не думал обижаться. Потом вот съехались, устроились на работу, завели двух детей — Дениса да Ритку — и прекратили такие глупости, стали жить, как все живут, — молча. — Ты как маленькая, — усмехнулся Валерка.

— Сам такой, — с довольной улыбкой отозвалась Валя, убирая с разгорячённого лица прядь светлых волос.

Отойдя ненадолго от Валерки, она внимательно оглядела его. Она никогда не назвала бы его красивым — просто потому, что слово «красивый» Вале казалось вообще неприемлемым к мужчинам, но им всё-таки хотелось любоваться. Фигура у Валерки была этакая квадратная, приземистая, но Вале как раз и нравилось, что он крепкий: не то что некоторые, будто с голодающего Поволжья вышли. Нравилась ей и его всегдашняя короткая стрижка с милым чубчиком. Валя вспомнила, как только начинала сама его стричь: вначале отказывалась брать в руки машинку, страшно боялась порезать шею, а потом вошла во вкус, выбирала насадки, бережно проводила машинкой на затылке и около

ушей и даже пару раз пыталась выстригать ему тонкими ножницами на висках какие-то узоры. — Ты зачем эти страшные штаны носишь? — пихнула Валя его в грудь. — Такие только в деревню на покос.

— Да мы и есть почти что деревня.

— Нет,ними.

— Чё, без штанов тебе я больше нравлюсь? — игриво осведомился Валерка, тоже шутливо толкая её. — Джинсы носи, дурачина! — выкрикнула Валя, понарошку отбиваясь от его приставаний, и смеялась счастливым смехом.

Она никогда раньше не говорила Валерке, что любит его. А он, кажется, говорил, но только в первый год, когда они сошлись. Ему было надо сказать эти слова просто для приличия, потому что негоже ведь спать с девушкой, если даже ни разу не произнёс, что любишь. Потом этих слов вроде бы никто из них не повторял. Ни друг другу, ни кому-то ещё. Валя не говорила их и Ритке. Раньше ей казались глупыми все те кудахчущие мамыши, которые носятся со своими отпрысками и всё время повторяют: «солнышко», «мальш», «зайчик»... С Риткой она никогда не сюсюкала, причала с ранних лет быть как взрослая.

Валя всегда была уверена, что любовь не в словах. Не то чтобы она так уж стеснялась их. Скорее казалось почему-то, что если хотя бы раз позволишь себе эти глупые нежности, излишние и признания, то станет хуже: узнают, услышат и вдруг ещё не поверят. Пока молчишь — что-то неуловимое есть, оно живёт в тебе и потихоньку греет душу. Как только позволил сказать — случилась утечка. Как только признался — открыл себя, и обратно уже не закроешь, равнодушным не притворишься.

Она так и не решилась второй раз сказать Валерке «люблю», но внимательно посмотрела ему в глаза и повторяла это слово про себя в надежде, что он догадается и так.

— Что ты так уж боишься долга-то? — несмело спросил Валера. — Пятьсот тысяч всего. Не бойся. На тебя их не повесят.

— На меня не повесят, так за тебя возьмутся. Телек отберут.

— Вот и хорошо. Ужасы не будешь смотреть.

— Ноутбук заберут.

— Он старый.

— Посадят тебя, — вспомнила самое страшное наказание Валя.

— Да и пусть, — с весёлым равнодушием отозвалась Валерка. — Чё, не сидел я на малолетке? Пусть меня посадят. Главное, чтоб ты ко мне ходила, передачи мне носила. В номинации «Передача года» победила передача гражданки Сорокиной!

— Дурак, — ласково усмехнувшись, сказала Валя.

— Скажи, будешь ко мне ходить, а?

— Буду...

В самом начале лета, перед ремонтом, Вале неожиданно вручили грамоту от управления образования «за добросовестный труд, активную жизненную позицию и весомый вклад в создание оптимальных условий для воспитания, развития и образования дошкольников».

Валю поздравляли все девчонки-воспитатели и даже сама заведующая. Кроме неё, грамоты вручили ещё нескольким работницам. Впервые Валя прислушалась к красивым словам, которые в таких случаях говорили на планёрке. Пускай и не всегда это правда, а всё равно приятно, когда человека похвалят. Хотя почему неправда? Вот она—разве не добросовестно трудилась? Всегда чистота, проветривала, мыла, за детьми следила зорко. А главное—всю зиму учила синхронно одеваться: вначале все натягивают колготки, потом—штаны, потом кофты. И гомона меньше, и порядок.

Перед летним отпуском с ней захотела поговорить одна мамочка, сын у которой пришёл в группу в три года и долго осваивался. Пацан был бегучий, то и дело норовил что-нибудь открутить, отвертеть, залезть в грязь, зарыться под матрас. Валя боролась с его дикостью долго, но к концу года дошла до того, что тот научился иногда смиренно сидеть рядом с ней и раскрашивать картинки.

— Едем отдыхать. Спасибо за ваш труд, Валентина Ивановна,—благодарила мамочка.

— Да какой там...

— Спасибо. Всегда буду помнить, как вы за Яриком вовремя уследили и он пуговицу в нос не засунул. И на дорогу выбежать не дали. Спасительница вы наша!

Валя была всерьёз недовольна этими словами. — Какая я вам спасительница?! Работаю себе потихоньку, детей нянчу... Загули уж вы...

— Тогда помощница,—послушно поправилась мама Ярика.

Когда в садике начался ремонт и группы, привыкшие к шуму и беготне, наполнились тишиной, Валя решила сходить в медколледж, разузнать, как туда поступить на обучение. Там рассказали всё подробно, она записала нужное, но не пообещала прийти. Ей всё ещё нужно было привыкнуть к мысли, что можно учиться, даже когда тебе двадцать шесть (и тридцать, и сорок...). Раньше она осуждала людей, которые ходили на какие-нибудь платные курсы. Точнее, не просто людей, а женщин—ведь своими курсами они отнимали время у семьи, детей. И не понимала тех, кто на старости лет вдруг решал поменять работу. А сейчас стала думать, что ничего в этом плохого и нет.

Она шагала не спеша вдоль аллеи яблонек с ещё не запылившейся свежей зелёной листвой и чувствовала, что не так уж важно, останется она в садике или нет, станет учиться на воспитателя или медсестру. Главное—разрешить себе всё это, разрешить меняться и жить. Кажется, она стала немного понимать, почему Денис так любил бродить по улицам. Она шла, и весь город был открыт перед ней.